

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

НА ВЕРХНЕЙ
ПЛОЩАДКЕ

ЧТО ТАКОЕ жизнь человека?

Восхождение и спуск. В молодости мы легко поднимаемся в гору. Мы любим преодолевать препятствия, трудности не путают, а, наоборот, вдохновляют. Бывало, лезешь в скалы, и чем сложнее подъем, тем радостнее одержанная победа. А уж с горы бежать — одно удовольствие! Где по серпантинной ленте спуска, где кувирком, где на «пьютой точке»... С возрастом все труднее подниматься: приходится беречь силы, считать пульс и все-таки, добравшись до верхней площадки, торжествуешь. И не хочется спускаться. Цепляешься за ветки, за деревья, лишь бы не слететь кубарем вниз. Если говорить о жизни в искусстве, редко мастеру — будь то художник или скульптор, будь то писатель, будь то актер — удается до последних дней остаться в творчестве на высшем уровне. К старости талант начинает гаснуть.

Я подумала обо всем этом, когда прочла воспоминания Сергея Владимировича Образцова «Ступеньки памяти». Подумала потому, что прошла с ним бок о бок по лестнице его жизни, человеческой и творческой, и поднялась на самый верх.

Воспоминания эти написаны как откровенная беседа, с большим доверием автора к читателю, его воображению и его чуткости.

Поначалу я, как, видимо, и многие читатели, была шокирована тем, что в первых главах о детстве Образцов разговаривает с нами как с детьми, примитивно, скучно до конспекта. Что это? Манерность, претензия на оригинальность?

Но уже и в этих первых коротких главах о мальчике, который еще ничего не знает и все видит впервые, вдруг, как яркие брызги на солнечном луче, появляются четкие, точные штрихи, к примеру: «Утром дворник приносит охапку холодных дров. Они такие мороженые, что даже звенят, когда он их кидает на пол». Для людей моего возраста это кусочек нашего детства, и он заставляет нас поверить всему написанному потому, что это правда. Это ощущения мальчика, жившего в те годы, а не пересмотр автором в наши дни своих собственных восприятий мира. Это его первые ступеньки, первые ощущения и мысли о событиях, которые менялись и меняли людей, окружавших этого мальчика. Потому-то автор и вкладывает их в форму разговора с детьми. Идет время, все меняется, меняется и форма повествования.

Когда Образцов рассказывал своим внукам о том, как он увидел царя, то они, понятно, удивлялись тому, что дед видел живого русского царя. Но, рассказывая, он-то сам видел в царя не Николая кровавого, а человека, ехавшего в ландо по Тверской, когда с двух сторон стояли шеренги солдат. И вдруг откуда-то выбежала черная собачонка и кинулась по улице, опережая царский выезд. И некуда ей было свернуть: с двух сторон тесно стояли сапоги, сапоги, сапоги... И вот она мчится, несчастная, а 12-летний Сережа стоит на балконе дома на углу площади, и ему безумно жаль эту собачонку, она его больше интересует, чем «государь всея Руси». И, читая это, я чувствую, понимаю, откуда берут начало прекрасные книжки Образцова о животных и о птицах, как зародилась вся его любовь к этому чудесному миру.

Многие люди пишут воспоминания (не люблю манерного, чужестранного слова — «мемуары»), пишут обычно с точки зрения сегодняшнего дня, и, конечно, во многом они «домысливают», либо ради литературного стиля, либо где-то память изменяет. Читать эти воспоминания интересно, но вряд ли они всегда — правда. По себе знаю.

Образцова в этом никак нельзя обвинить уже потому, что он не пишет ровно, гладко, беллетристически. Он выхватывает из своей прежней жизни куски, наиболее запомнившиеся, и потому его главы коротки и сжаты настолько, что иной раз думаешь: написал бы попространнее, ведь интересно же! Нет, он не хочет додумывать. Что помнит, тем и делится, зато — правда, абсолютно честный разговор. Он спрашивает себя и нас: интересно ли это? И сам же отвечает: только в диалектике

могут быть интересными мои очень личные «ступеньки».

Время идет, мальчик растет, и меняется манера выражать мысли, меняются интересы, жизнь, меняется и стиль повествования.

Образцов не хочет ничего приукрашивать и расцвечивать.

Глава «Смерть Сони» — странная, словно сжатая в кулак проза, доносит до читателя все отчаяние и растерянность мужа, безмерно любившего жену, мужа, который вдруг уходит от реальности, от жизни в свое, ни с чем не соизмеримое состояние. Для него реальность — это потеря Сони, а все остальное — небытие. Здесь нечего расписывать, и чем скупее, тем правдивее. Остальное пусть читатель почувствует и додумает сам. Образцов в него верит. Конечно, он как уже состоявшийся режиссер и артист мог бы подать эту катастрофу сильнее и трепетнее, но зачем? Образцов находит свою форму общения с читателем — доверительную. Не скрывая ни своих заблуждений, ни ошибков, он говорит все начистоту.

— Я тогда думал, — рассказывал мне Сергей Владимирович при встрече, — что никогда никого больше не полюблю и не женюсь. Но время шло, пришли и новая любовь, и новая женитьба, и все же глубокая боль от потери остается с нами навсегда.

Горя забыть нельзя, и новое счастье его не снимет и этим не оскорбит. Прежнее чувства в нас остаются жить, если они были подлинными...

Образцов писал свою книгу недолго, отдельными кусками. Что вспоминалось — о том и писал в коротких, ярких главах, каждая глава — в своей эпохе, в своем водвороте событий и восприятии, каждая — ступенька лестницы жизни.

Люди, встречи в театре, работа на эстраде — все воплощается в убедительных, ярких образах. Факты не подбираются хронологически в документальном порядке, события перемежаются с чисто личными впечатлениями, настолько «образцовскими», что часто за ними слышишь его собственный голос и его откровенные признания. Так, в главе «Девять концертов» он вдруг искренне удивляется молодому скрипачу со смешной фамилией: «Пугающая какая-то фамилия — Ойстрах! Давид Ойстрах. А играет хорошо. Чего он, фамилию не переименит? Хотя, может, привыкнут. Ведь к Козловскому привыкли, а тоже не очень-то для тенора фамилия подходящая».

А сколько удивительно верных черт в творческих и человеческих портретах таких артистов, как Берсенев, Гиацинтова, Азарин, Дурасова, с которыми Образцову довелось играть в спектакле «Двенадцатая ночь». И как прекрасно описывает он великого художника Фаворского, его находки в декорациях к Шекспиру.

Образцов проходит творчески сложный путь. МХАТ у Немировича-Данченко и концертная эстрада, а перед этим ВХУТЕМАС, где Сергей Образцов учился у художника Архипова, в эпоху, взрастившую таких художников, как Дейнека, Вильямс, Гончаров, Кукрыниксы. «Как я счастлив, что жил с ними одним сердцем!» — заканчивает Образцов одну из своих глав.

Интересно, что на каждой ступеньке своей книги автор останавливает внимание читателя на образах своих современников, своим личным отношением и через его восприятие читатель видит еще какие-то черты у хорошо знакомых ему мастеров в литературе и искусстве. «Потом какой-то молодой, с рыжими волосами парень», — пишет Образцов, — по фамилии Есенин прочитал: «Я нарочно хожу нечесаный, с головой, как керосиновая лампа на плечах». Серdito прочитал. Будто мы в этом виноваты». И мы, читатели, знающие творчество Есенина и видящие поэта каждый по-своему, вдруг ощущаем этого великого мастера молодым задирой.

Образцов отлично знает птиц и их повадки. Как превосходно описывает он синего бразильского попугая в зоома-

газине Парижа. Он собирается купить его, но внезапно синий красавец с метровым размахом крыльев, разогнув прутья клетки, вылетел в небо.

«Когда в XIX веке в парижское небо, — пишет Образцов, — взлетел человек, это было чудо. Сейчас человек даже в космосе — не чудо. Но синий бразильский попугай в небе Парижа в сегодняшнем XX веке — это чудо! Только не прекрасное, как полет Монгольфьера, а трагическое».

Когда попугай напал и вернувшись в магазин, Образцов прибежал туда с утра. Синий попугай сидел на прежнем месте, сосредоточенно разглядывая свои когти. Сергею Владимировичу расхотелось покупать его и сажать в клетку, где он даже крыльев расправить не сможет. Так и ушел он из магазина. Шел под парижским небом, остро чувствуя, что такое настоящая свобода.

Очень интересны рассказы о зарубежных путешествиях музыкальной студии Немировича-Данченко, о трехмесячных гастролях по Германии, Чехословакии и потом Америке. Все, что описывает Образцов, необычайно важно и нужно, несмотря на, казалось бы, мелкие подробности, за которыми стоят убедительные кадры жизни этих стран.

Сильное впечатление произвел на меня рассказ Образцова о роскошном зоопарке в Америке, где в одной из клеток висит надпись: «Самое жестокое животное в мире, которое может уничтожить все живое, что и стремится сделать». А в клетке никого нет и висит зеркало, в котором отражается сам посетитель. Здесь американцы, цеголая остроумием, превзошли самих себя, особенно в свете современных политических воззрений президента Рейгана.

Образцов ведет свое повествование совсем особенно. Видение у него субъективно, а мышление — объективно. Все ступеньки его лестницы разные, есть короткие, есть длинные марши, но нет ничего лишнего, скучного, второстепенного, за каждой деталью — пережитые и пережитые страницы жизни, которым веришь.

Вместе с автором мы попадаем в Рим, дивимся кошкам, которые живут в Колизее, в тех проходах, по которым в древние времена выпускали львов на растерзание христиан. С ним попадаем мы к Акведук — «водопроводу, сработанному еще рабами Рима». Мы видим знаменитые арки, ныне забранные фанерными и картонными перегородками, где ютятся бездомные итальянцы, не имеющие крова. Они готовят на кострах пищу и греются возле них.

Со своим театром кукол Образцов проводит нас по китайским городам и, показывая китайцам свои спектакли, одновременно показывает и нам этот народ с его удивительной смесью тысячелетней культуры с новым, современным обиходом.

Мы побываем вместе с ним и его театром кукол в Японии. В этой стране, производящей лучшую в мире технику, которая уживается с древнейшими традициями домашнего быта и красотой национального костюма, и с праздником цветущей вишни, праздником матери, праздником сыновей и дочерей...

Мы попадем с Образцовым в Индию на праздник Холи, где люди обсыплют друг друга с головы до ног разноцветными порошками и поливают из шлангов раскрашенной водой и вся Индия под дождем разноцветных струй танцует, поет, кричит, обнимается.

А какие удивительные встречи были с индийскими мальчишками в Калькутте, где показывали тогда «Волшебную лампу Аладдина». Поистине никто так не умеет любить детей и разговаривать с ними, как Сергей Владимирович.

Мы побываем с Образцовым и во всех европейских городах. И обо всем он блистательно и интересно пишет, и главное — правду. И о чем бы ни писал Сергей Владимирович, будь то орден Улыбки, который он получал из рук польских детей (а перед этим он

обязан был выпить стакан лимонного сока и не поморщиться, иначе он будет недостойным этого ордена), или незабываемая встреча с Георгием Димитровым перед поездкой в Болгарию, где был чудесный ночной праздник песни в горах, когда пятьсот деревень прислали своих лучших певцов, пятьсот шалашей раскинулись под звездным небом, пятьсот костров запылали под ним, и люди ели вареную баранину, и пили красное вино, и слушали отличных певцов под музыку волынок, — всюду Образцов увлекает читателя, захватывает целиком, заставляя его радоваться и восхищаться или горько скорбеть, глядя на выставку кукол в Дрездене, где на витрине были выставлены и роскошные новые куклы, и страшные обгоревшие, найденные в развалинах домов, и надпись над витриной гласила: «Мы хотим, чтобы нами играли. Сделайте так, чтоб не убивали детей!»

Война гражданская, потом Отечественная находят свое место в повествовании также в коротких, очень четких и динамично описанных событиях. Но всюду берет верх человеческое восприятие автора. Вот пишет он уже в сорок четвертом году: «Неужели Гитлеру не было ясно, что война им проиграна? Неужели для этого нужно было, чтобы наши дошли до Берлина? Ну, а если не наших, то своих-то мог бы пожалеть. Они ведь тоже люди, а гибнут каждый день тысячи убитых и раненых. Каждый день тысячи новых вдов и сирот...»

Но самое главное в книге Образцова — это, конечно, история создания театра кукол, который завоевал признание во всем мире. Начиная с «Дворов», где кукольный театр в провознике-фургоне развезжал по Сокольническому и Бауманскому районам, играя спектакли прямо на улице, затем маленький театрик на площади Маяковского, где раньше, в дни моей юности, помещался кинотеатр «Европейский», и до прекрасного нынешнего здания на Садовой-Самотечной, с удивительными часами на фасаде, с двенадцатью домиками вокруг циферблата. В полдень все эти домики раскрываются, и выходят двенадцать зерушек, которые танцуют под музыку. И каждый раз, когда тасы бьют полдень, прохожие не могут не остановиться и не поглядеть на это праздничное, оригинальное представление.

Недавно вышла в издательстве «Малыш» отличная книжка Образцова «Всю жизнь я играю в куклы». Это история театра кукол, рассказанная и иллюстрированная самим Сергеем Владимировичем. Рождение театра, рождение первых спектаклей: «По щучьему велению», «Кот в сапогах», «Мойдодыр», «Волшебная лампа Аладдина», «Буратино», спектаклей, закладывающих в детские умы и сердца чувства добра, справедливости и чувства долга и любви к людям и к Родине.

Дальше пойдут «Большой Иван», «Король-олень» по Гоцци и уже спектакли для взрослых: «Необыкновенный концерт», «Божественная комедия», мюзикл «Дон Жуан» и все то, что идет в театре по вечерам. Здесь выявляется особое дарование Образцова высмеивать пороки, обличать и бороться с глупостью, пошлостью и дурным вкусом.

Последняя маленькая глава книжки. «1983 год. Мне восемьдесят два года, — пишет Образцов. — Я болен, не сильно. Но все-таки меня уложили на поправку и проверю... За стеной в такой же палате Папанин. Ему девяносто лет. Он очень веселый, и мы с ним часто ходим по коридору и болтаем о том, о сем. Когда я хожу один — сто сорок шагов, а с Иваном Дмитриевичем — двести десять...» Стало быть, когда Сергей Владимирович ходит один, он шагает шире...

По своим ступенькам он уже дошел до вершины и спускается с горы не собирается.

Наталья
КОНЧАЛОВСКАЯ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.